

— Фэйфэй, гений колыбельных!

Тем временем в доме, Линь Сынянь, услышав пение малыша, пошёл на звук. Увидев, что телефонная трубка снята, он, дождавшись, когда Фэйфэй закончит петь, спросил:

— Фэйфэй, с кем это ты разговариваешь по телефону?

— С одним дядей, — малыш так увлёкся пением, что, когда никто его не останавливал, пропел короткую детскую песенку несколько раз подряд.

— С дядей? — Линь Сынянь обратил внимание на слово, которое употребил Фэйфэй. — С каким дядей?

Фэйфэй покачал головой.

— С незнакомым дядей. Дядя сказал, что ошибся номером.

Услышав это, Линь Сынянь подошёл к телефону, взял трубку и сказал «Алло». Подождав немного и не услышав ответа, он повесил трубку. Затем его взгляд обратился к Фэйфэю.

Этот звонок заставил Линь Сыняня понять, что в его наставлениях по безопасности есть пробелы. Он взял малыша за руку, снова усадил на стульчик и, встав перед ним, строго сказал:

— Разве можно разговаривать с незнакомцами?

Фэйфэй покачал головой.

— Нельзя.

— Тогда почему ты только что разговаривал с незнакомцем, да ещё и пел ему?

Фэйфэй не мог не попытаться оправдаться.

— Но это же по телефону, это не считается. Дядя, который ошибся номером, был очень грустный, и Фэйфэй спел, чтобы его утешить. — Говоря это, он смотрел на отца своими большими, абсолютно невинными глазами.

Линь Сынянь с трудом подавил в себе умиление и остался непреклонен.

— А слова папы Фэйфэй собирается слушать?

— Слушаться, — без раздумий кивнул малыш.

Такое послушание радовало. Линь Сынянь кивнул.

— Папа сказал, что впредь Фэйфэй не должен разговаривать с незнакомцами, даже по телефону. Если звонит кто-то, кого Фэйфэй не знает, нужно сразу звать папу или другого взрослого. Нельзя с ним болтать. И петь тоже нельзя!

Необходимые меры предосторожности должны были прочно засесть в голове у малыша.

Малыш спросил:

— Потому что Фэйфэй ещё маленький?

— Можно и так сказать, — ответил Линь Сынянь.

— Ну хорошо, Фэйфэй понял, — хотя Фэйфэй уже считал себя большим малышом, он всё же был ребёнком. Папины слова, безусловно, были сказаны ради его блага, поэтому он не стал сопротивляться.

Договорив, малыш протянул руки к Линь Сыняню.

— Папа, обними.

Строгое выражение, которое Линь Сынянь с таким трудом удерживал, тут же дало трещину и рассыпалось в прах. Убедившись, что Фэйфэй действительно всё понял, он мог лишь беспомощно обнять его и, ткнув пальцем в его маленький носик, сказать:

— Ласкуша ты мой.

Оказавшись на руках, Фэйфэй закачал ножками. Поскольку продолжения не последовало, он быстро забыл об этом телефонном разговоре.

Но для Вэнь Цюя этот день стал поистине волнующим.

На следующее утро он проснулся в больнице. Первое, что он увидел — белые стены и почувствовал запах дезинфекции. От ощущения пространственной дезориентации он чуть не подумал, что плохо спал, упал с крыши и каким-то чудом выжил, оказавшись в больнице.

Увидев, что Вэнь Цюй очнулся, его друг Лян Хуа, который просидел с ним несколько часов, поспешно подошёл и помог ему сесть.

Убедившись, что Вэнь Цюй в порядке и психически устойчив, он не удержался от упрёка:

— Великий артист, ты хоть знаешь, что попал в тренды?

Сейчас был переходный период между зимой и весной. Ночная температура, хоть и не такая холодная, как в Новый год, но лежать на холодной крыше всю ночь под ветром — такого не выдержит ни один человек.

Вэнь Цюя обнаружил уборщик в пять или шесть утра. Он пытался разбудить его, но тот не просыпался, а тело было горячим. Уборщик тут же позвал на помощь, Вэнь Цюя спустили вниз, укрыли одеялом и вызвали скорую.

В суматохе кто-то узнал в нём Вэнь Цюя, к тому же это был его поклонник.

Так Вэнь Цюй стал знаменит. С момента обнаружения до попадания в топ новостей прошло меньше часа.

Лян Хуа, как друг Вэнь Цюя, узнал о его местонахождении из новостей, тут же сел в машину и помчался в больницу.

Взгляд Лян Хуа был сложным.

— Ты сколько не спал? Знаешь, что сказали врачи в больнице?

Врачи, осмотрев Вэнь Цюя, сказали Лян Хуа, что хотя у него и была температура, она была не настолько высокой, чтобы он впал в кому и не просыпался. Основная причина заключалась в крайнем психическом истощении. Другими словами, Вэнь Цюй не был в коме, просто он так крепко спал, что его не могли разбудить, и поэтому все подумали, что он потерял сознание от жара.

[Известный музыкант Вэнь Цюй провёл ночь на крыше отеля, из-за низкой температуры у него поднялась температура, он потерял сознание и был срочно госпитализирован.]

Лян Хуа слово в слово зачитал Вэнь Цюю самую популярную новость в интернете и в заключение добавил:

— Стать знаменитым таким способом — ты первый в мире шоу-бизнеса и музыки. Могу я взять у тебя интервью и узнать твои впечатления?

У Вэнь Цюя не было никаких впечатлений, ему уже хватило вчерашней неловкости.

— Никаких впечатлений. Верни телефон.

Вэнь Цюй всё ещё думал о вчерашнем, протягивая руку к Лян Хуа за телефоном.

Лян Хуа разочарованно скривился, достал из кармана телефон и бросил его Вэнь Цюю. Следующий резкий рывок Вэнь Цюя за телефоном его напугал.

— Эй! Ты чего так? Что у тебя там за сокровище в телефоне, так переживаешь. Когда ты так о себе заботиться начнёшь, я буду спокоен, — Лян Хуа поспешно поддержал Вэнь Цюя, который чуть не свалился с кровати.

Вэнь Цюй сел ровно, открыл телефон и нашёл последнюю запись разговора. Убедившись, что запись действительно сохранилась, он с облегчением вздохнул.

— Наушники есть? — спросил Вэнь Цюй у Лян Хуа.

— Я так торопился из дома, что рад, что сам успел приехать, — ответил Лян Хуа.

Значит, нет.

Вэнь Цюй посмотрел на друга, но в итоге решил, что проверить целостность записи важнее. Он перестал обращать внимание на Лян Хуа и включил запись.

Однако, не желая снова испытывать неловкость, Вэнь Цюй перемотал запись примерно на три пятах.

«...давай послушаю?» — Вэнь Цюй угадал с временем, перемотав прямо на фразу перед пением Фэйфэя.

Затем снова зазвучал детский, хоть и фальшивящий, но милый и нежный голосок.

«Ласточка в ярком наряде, каждый год весной...»

Прослушав, Вэнь Цюй убедился, что запись не повреждена, и сохранил её на свою электронную почту.

Лян Хуа, прослушав вместе с Вэнь Цюем, спросил:

— Фальшивит? — он дружил с музыкантом, и хоть не был профессионалом, но слух у него был. Правда, Вэнь Цюй слушал негромко, и он не всё расслышал.

— Хоть и фальшивит, но не сильно. Малыш поёт очень уверенно, по голосу совсем маленький, нежный и милый, — добавил Лян Хуа.

Разговаривая с Вэнь Цюем, Лян Хуа старался избегать вопроса о том, почему тот оказался на крыше.

Они болтали о том о сём, но, видимо, мелодия детской песенки была настолько привязчивой, что Лян Хуа, разговаривая с Вэнь Цюем, мысленно всё время прокручивал в голове ту самую «Ласточку».

Нельзя сказать, что малыш на записи пел как-то особенно хорошо, но в его пении была какая-то магия, заставляющая невольно отбивать такт вслед за его маленькими ручками, качать головой в такт и после песни чувствовать себя словно очищенным.

Ощущение возвращения в детство, полное наивности и радости.

Лян Хуа резко сменил тему:

— Этот ребёнок — просто нечто! Как сказали бы твои фанаты: в этом голосе есть душа! И качество этой души у него нешуточное.

Вэнь Цюй согласно кивнул. Он хоть и занимался музыкой, но не был чистым технарём. Музыка передаёт чувства, и только трогая за душу, можно оставаться непобедимым.

Это чувство — не просто любовь, а скорее некий опыт, некое постижение.

Есть люди, которые от природы умеют выражать эти чувства так, что все ощущают то же, что и они. Это дар, талант, которому нельзя позавидовать. Как тот вчерашний малыш.

А есть другие, не бездари, но и до гениев им немного не хватает. И эту малость приходится восполнять стократными, тысячекратными усилиями.

Как, например, его произведение «Вечная ночь», которое считалось вершиной гипнотической музыки и лучшим снотворным. Разве он не написал его, когда ещё не страдал бессонницей, заставив себя проспать трое суток, лишь изредка прерываясь на самые необходимые нужды?

Вэнь Цюй считал, что тогда он тоже тронул людей за душу, приложив огромные усилия, и его успех был абсолютно заслуженным.

Просто этот метод был немного изнурительным для автора. Он даже подозревал, что его бессонница — результат того, что в юности он «испортил себе сон», и даже обращался к врачу по этому поводу.

Лян Хуа подsunул свою большую голову поближе, подобострастно улыбаясь, и спросил у Вэнь Цюя:

— А можно мне копию той записи, которую ты только что слушал?

Вэнь Цюй покачал головой.

— Я, на самом деле, не знаю этого ребёнка. Вчера случайно набрал не тот номер. Без согласия родителей я не могу распространять запись.

Вчера малыш специально спел для него, чтобы утешить. А сегодня он будет рассылать запись его голоса. Так нельзя.

— Прости, по вышеуказанным причинам, этой записью пока я могу наслаждаться только сам.

Лян Хуа: «Слышите? Слышите, что он говорит? Это вообще по-человечески?».

— Не хочешь — не надо, кому она нужна, — деланно обиделся Лян Хуа.

Просидев ещё около двух часов, Вэнь Цюй, который всё ещё был с температурой, снова почувствовал усталость. Он выставил Лян Хуа из палаты.

Когда Лян Хуа ушёл, Вэнь Цюй поправил подушку и одеяло, сложил руки на животе и, приняв очень правильную позу для сна, закрыл глаза.

Через полчаса он их открыл.

Неужели опять не получается? Тело было очень уставшим, сонливость накатывала волнами. Но стоило закрыть глаза, как сон улетучивался.

Вэнь Цюй, казалось, был к этому готов. Он достал из-под подушки телефон, включил запись и положил его на подушку.

Закрыл глаза.

Через десять минут, под звуки «Ласточка в ярком наряде» и ритмичные хлопки в ладоши, Вэнь Цюй снова ощутил то же, что и на крыше.

То чувство, которое он, ухватив, боялся спугнуть даже малейшим движением, не желая даже перевернуться на другой бок.

Густой, почти материальный чёрный туман рассеивался под звуки песни Фэйфэя. Безудержно разраставшаяся тьма, казалось, встретила своего врага.

Выражение лица Вэнь Цюя постепенно становилось умиротворённым и расслабленным. Как только его разум расслабился, волна сонливости мгновенно захлестнула его мозг, и Вэнь Цюй снова погрузился в сладкий, тёмный сон.

<http://bllate.org/book/13654/1594560>